

Комната, опаленная огнем, была погружена в густой мрак, и лишь лунный свет, пробивавшийся сквозь окно, заливал пространство холодным сиянием.

Тушань Тин медленно перевел взгляд с черных кожаных туфель вверх. Полоса лунного света легла прямо перед ним, освещая мельчайшие заломы на брюках от дорогого костюма.

Память у маленького лиса была отменная. Он запомнил одежду каждого Игрока, и человек перед ним точно не был Цзян Си. Однако осознание этого факта ничуть не успокоило натянутые, как струны, нервы Тушань Тина.

Потому что этот человек был тем, кого, помимо Цзян Си, он меньше всего хотел бы встретить в этом Инстансе.

Черные туфли в поле его зрения вдруг шевельнулись. Незнакомец отступил на полшага и присел на корточки. Его рука с отчетливо проступающими суставами потянулась вперед и легла на шею Тушань Тина. Пальцы были ледяными, и маленький лис невольно вздрогнул, отпрянув назад.

Мужчина слегка согнул пальцы, приподнимая подбородок лисенка. Тушань Тин был вынужден поднять голову. Окутанный лунным светом мужчина казался изваянием, а его холодные, отстраненные черты лица будто подернулись инеем.

После того как Тушань Тина по ошибке забросило в тренировочный Инстанс зоны D, у него сложилось неплохое впечатление о большинстве встреченных там Игроков из Секты Бессмертных. За исключением одного.

Именно этого.

Он поджал губы и попытался оттолкнуть руку мужчины, но тот даже не шелохнулся. В душе Тушань Тина впервые промелькнуло чувство поражения. На чем только питаются эти люди, чтобы так вырасти!

0146 пояснил: — Люди с выдающимися природными данными и костями начинают практиковаться с самого раннего возраста.

А Тушань Тин в те времена, должно быть, был лишь беззаботным лисенком, который носился где попало. Во всех четырех сектах знали, что младший сын Императора Демонов был невероятно избалован. Его старшие брат и сестра в детстве проходили через жесткое, почти армейское воспитание, и лишь он один провел детство в абсолютной безмятежности.

Кожа юноши была теплой. Сюэ Цинтань, чей палец все еще покоился на подбородке лисенка, слегка шевельнулся, и это тепло тут же передалось его кончикам пальцев.

Маленький лис, должно быть, сильно испугался: его личико стало совсем бледным, лишь глаза, черные и ясные, горели в темноте. Он обиженно поджал губы, щеки слегка надулись, а на них красовались два грязных пятна, которые он умудрился где-то подцепить.

Чумазий, но при этом до невозможности жалобный.

Сюэ Цинтань некоторое время пристально разглядывал лисенка, а затем негромко произнес:

— Грязный.

Тушань Тин моргнул:

— ?

Сначала этот человек наступил ему на хвост, потом обозвал распутной лисой, а теперь еще и говорит, что он грязный?

Заметив, что маленький лис отчаянно пытается вырваться, Сюэ Цинтань убрал руку с его шеи, но не отвел ее, а опустил ниже, приоткрывая халат. Он опустил взгляд на округлые коленки лисенка и нежную белую кожу чуть выше них, после чего спросил:

— Почему ты без штанов?

— Не твое дело!

Маленький лис пришел в ярость. Он дернулся и со всей силы вцепился зубами в предплечье Сюэ Цинтаня. Не сдерживаясь, он куснул его как следует, а когда мужчина ослабил хватку, вскочил и бросился наутек.

В комнате было мало мебели. Тушань Тин быстро добежал до двери и схватился за ручку.

В тишине раздались повторяющиеся щелчки. Сюэ Цинтань оставался в той же позе, глядя на свою руку. На белой ткани рубашки проступило бледно-красное пятно крови, но его взгляд был прикован не к ране.

Вокруг пятна крови виднелся нечеткий влажный след — слюна маленького лиса.

У Сюэ Цинтаня была тяжелая форма мизофобии.

Тонкая ткань рубашки, намокнув, прилипла к коже, холодя ее. Взгляд мужчины стал странным, брови медленно сошлись на переносице. В этом выражении читалось отвращение, но было в нем и что-то иное.

— Грязный ребенок.

Мужчина прошептал это холодным тоном, но рука сама потянулась вперед, и подушечка пальца коснулась влажного следа.

Дверь не поддавалась. Тушань Тин дергал ее целую вечность, а потом в сердцах с силой ударил по ней кулаком, только ушибив руку.

Позади слышались неторопливые шаги. Тушань Тин замялся и обернулся. Он прислонился спиной к двери, заложив руки назад. Его черные волосы растрепались, ресницы были опущены, а зубки слегка покусывали нижнюю губу — вид у него был до крайности жалкий.

Раньше, когда он в чем-то провинился, он всегда принимал такой вид. Правда, тогда он был в облике лисы, и стоило ему сделать умильный поклон, как старейшины тут же переставали сердиться. Тушань Тин всерьез засомневался, что в человеческом облике он стал менее милым.

— У людей зубы острые? — спросил маленький лис у 0146, украдкой поглядывая на руку Сюэ Цинтаня.

Мужчина заметил его взгляд и не спеша закатал рукав. Отпечаток зубов на предплечье был отчетливо виден, из ранки все еще сочились капли крови.

0146, поняв, о чем беспокоится его подопечный, поспешил успокоить:

— Он вряд ли укусит тебя в ответ.

Маленький лис немного успокоился.

Но он рано обрадовался. В конце концов, 0146 был всего лишь Системой и совсем не разбирался в людях.

Когда его прижали спиной к двери и заставили открыть рот, чтобы осмотреть зубы, маленький лис от растерянности даже забыл о сопротивлении. Он думал, что этот человек исключит его из Инстанса или хотя бы проверит его идентификационную табличку. Но, похоже, с самого момента обнаружения его личность совершенно не интересовала этого человека.

Он просто хотел его помучить.

Длинные пальцы тщательно ощупали каждый клык. Сюэ Цинтань действовал с такой методичностью, словно проводил научное исследование. Его пальцы, как и суставы, оказались

влажными от слюны. Оказавшись на воздухе после теплого рта, они ощутили легкий холодок — совсем как намокший рукав рубашки.

— Период смены зубов прошел? — Сюэ Цинтань слегка согнул палец, стирая влажный след о щеку лисенка. Он задал вопрос с бесстрастным выражением лица, но его пальцы скользнули вдоль челюсти юноши, а подушечка прошла по крошечному кадыку.

И правда, маленький лис-самец.

Сюэ Цинтань спокойно убрал руку.

Тушань Тин от злости покраснел до самых кончиков ушей. Щеки горели от следов пальцев, подбородок и корень языка ныли. Он пытался вырваться, но его руки были надежно зафиксированы. Он попытался укунить Сюэ Цинтаня за руку, но тот был начеку и не позволил себя задеть.

— Ты вообще больной? — возмутился маленький лис. — Как тебя зовут?

Он вернется и попросит брата и сестру задать ему трепку. Этот человек просто невыносим.

Сердитый вид юноши был таким живым и милым, что Сюэ Цинтань, полюбовавшись на него еще немного, снова подался вперед, прижимая его к двери и удерживая подбородок.

Тушань Тин широко раскрыл глаза и инстинктивно сжал губы, боясь, что его снова будут осматривать.

Но в итоге его все же заставили открыть рот. Когда палец коснулся нижней губы, маленький лис, сердито нахмурившись, хотел было укунить, но вдруг замер.

— М-м... — нос Тушань Тина дернулся. Он принюхался к пальцу Сюэ Цинтаня и распознал аромат духовной энергии. — Как вкусно.

Он поднял взгляд и с недоумением посмотрел на Сюэ Цинтаня.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул, он лишь прижал палец к губам маленького лиса.

Тушань Тин чувствовал этот аромат только в самом начале, когда только вошел в Инстанс. Позже мужчина каким-то образом сумел полностью скрыть свою духовную энергию.

На самом деле его энергия пахла даже приятнее, чем у Су Су. Тушань Тин осторожно высунул кончик языка и лизнул палец.

— Что он делает? — спросил Тушань Тин у 0146, с любопытством глядя на палец у своих губ. — Мне можно это съесть?

Гнев маленького лиса вспыхивал и угасал быстро — отвлекшись, он уже забыл, что только что злился.

0146 беспомощно ответил:

— Можно.

В конце концов, по логике маленького лиса, если съесть побольше энергии этого человека, то даже в случае исключения из Инстанса он останется в выигрыше.

Тушань Тин подозрительно уставился на Сюэ Цинтяня и робко прихватил зубами предложенный палец.

Маленький лис объелся.

Чистая белая рубашка была небрежно брошена на пыльный старый стол. Тушань Тин сидел на нем, время от времени облизывая губы, словно смакуя послевкусие.

Его халат давно испачкался, обувь неведомо куда подевалась, на голых голеньях и розовых ступнях виднелись серые разводы, даже кончик белоснежного хвоста стал грязным. Он превратился в самого настоящего маленького грязного лиса.

Но маленькому грязному лису было не до себя. Он опустил голову и погладил животик:

— Как же распирает.

0146:

— ?

Лис озвучил свою догадку:

— Может, я заполнился до краев?

0146:

— ...Разве поглощение духовной энергии демонами не происходит через меридианы?

Тушань Тин кивнул:

— Да. — Он снова погладил живот, облизнул уголки рта и с довольным видом добавил: — Но это очень похоже на чувство сытости после еды.

Он вспомнил Сюэ Цинтаня:

— Этот человек такой странный. Зачем он дает мне свою энергию после того, как поиздевался? Разве духовная энергия не важна для людей?

После того как духовная энергия в мире истощилась, ее приходилось покупать за баллы. Сколько бы ни съел маленький лис, у Сюэ Цинтаня ее становилось меньше, но мужчина был на удивление щедр — даже когда Тушань Тин уже не мог больше есть, он продолжал его кормить.

0146 не могло понять мотивов мужчины, но помнило, что, пока маленький лис был одурманен сытостью, мужчина сделал кое-что еще. Оно подсказало Тушань Тину:

— Проверь свою идентификационную табличку.

До исключения Система автоматически предоставляла Игрокам личное пространство для хранения табличек. Тушань Тин послушался, достал ее и, взглянув, широко раскрыл глаза. В замешательстве он пробормотал:

— Это... как это понимать?

Часы пробили четыре раза, возвещая о глубокой ночи. Ночное небо за окном начало светлеть.

Цзян Си, прислонившись к перилам винтовой лестницы на втором этаже, был раздражен. За эту ночь системное оповещение звучало лишь дважды, в игре оставалось четверо.

Он исключил одного Игрока из своего клана, а личность второго исключенного так и осталась неизвестной.

Но его помощник исчез.

Два Первых ученика вошли в этот Инстанс, чтобы помериться силами — такова была давняя традиция Секты Бессмертных и Секты Призраков. Цзян Си шел сюда за победой, и хотя маленький лис немного отвлекал его, он не забывал о своей основной задаче.

Однако этот Инстанс был до крайности странным. До сих пор он не мог подтвердить, кто является Первым учеником с той стороны.

Большую часть исключенных Игроков устранил он сам. Казалось, что противники из Секты Бессмертных были посредственными и бесполезными, но те, кого Цзян Си внес в список на исключение еще в первый день, до сих пор были живы-здоровы.

Дело было не в том, что он не мог их найти, — он просто не мог их обнаружить.

В особняке было всего три этажа. И хотя комнат, где можно спрятаться, было предостаточно, за три дня, кроме как во время трапез в главном зале, он ни разу не видел их лиц. Черт возьми, это было странно.

Цзян Си цыкнул и с силой вогнал черный кинжал в стену. Когда он уже был готов взорваться от досады, боковым зрением он уловил какое-то движение. Подняв взгляд, он увидел, как в конце коридора крошечный кончик хвоста, прижавшись к полу, юркнул в укрытие.

Такой же суетливый, как и его хозяин.

Цзян Си замер, а затем уголки его губ тронула усмешка. Раздражение в глазах мгновенно сменилось азартом. Он выпрямился и направился к месту, где спряталась добыча. Проходя мимо кинжала, он небрежно выдернул его и стал с силой покручивать в пальцах, словно уже сжимал тонкую белую шею маленького лиса.

<http://bllate.org/book/20944/2123201>